

Цзян Сяомань поспешно отвел взгляд, его лицо покраснело. Жун Тин был доволен этой реакцией и спросил:

— Что именно? Хочешь рассмотреть поближе?

— Я просто думал о Сяо Сюэ-цзы!

— ?

— Подумал этот нищий даос, что Ваше Высочество должны позволить Сяо Сюэ-цзы войти, чтобы помочь вам переодеться.

Лицо наследного принца мгновенно потемнело, и он холодно произнес:

— Опять Сяо Сюэ-цзы.

— Только она может помочь, — Цзян Сяомань говорил с искренним выражением лица. — Сопровождение красавицы — это одно из величайших удовольствий в жизни. Ваше Высочество, быстро позвольте Сяо Сюэ-цзы войти.

Цзян Сяомань был выгнан из Дворца Чанлэ. Он не понимал, почему всего секунду назад наследный принц шутил с ним, а в следующую уже кричал, чтобы он убирался.

Сердце мужчины действительно трудно понять.

Когда же он сможет дойти с наследным принцем до того, чтобы говорить о чувствах?

Цзян Сяомань чувствовал, что это очень сложно.

Цзян Сяомань не сразу вернулся в Башню, достигающую небес, а бродил по императорскому дворцу, пытаясь разобраться в информации, которую он уже собрал.

Этот хромой наследный принц отличался от типичных главных героев мелодрам. Хотя в глазах Цзян Сяомана он обладал всеми стандартными чертами крутого, самоуверенного и властного героя, в глазах окружающих Жун Тин был всего лишь инвалидом, беспомощным и странным наследным принцем, которого никто не любил. И сам Жун Тин, казалось, с удовольствием принимал такое отношение к себе.

Цзян Сяомань заметил, что чем больше он узнавал Жун Тина, тем больше менялся его образ в его сознании. От простого тирана и извращенца он постепенно превращался в героя, который был одновременно тираном, извращенцем, нежным и жалким.

— Бессмертный.

Внезапно кто-то окликнул Цзян Сяоманя, и он остановился, обернувшись. Перед ним стоял незнакомый маленький евнух.

— Несколько наложниц отдыхают в том саду. Увидев вас поблизости, они хотели бы пригласить вас поговорить.

Цзян Сяомань, не имея дел, с радостью согласился.

В саду сидели четыре или пять наложниц, пили послеобеденный чай. Маленький евнух представил их одну за другой. Цзян Сяомань не запомнил их имен, но смутно вспомнил, что

они были теми самыми второстепенными персонажами из романа, которые служили лишь для того, чтобы Наньгун Сюэ могла их унижить. Они постоянно пытались оскорбить её, но в конечном итоге оказывались раздавленными.

Как и они, Цзян Сяомань чувствовал себя близким к ним, а они, в свою очередь, относились к нему с большим уважением. Несколько минут непринужденной беседы создали очень гармоничную атмосферу.

Одна из наложниц спросила:

— Бессмертный, вы видели небесных фей?

Цзян Сяомань кивнул.

— Правда? — несколько наложниц сразу же заволновались. — Как они выглядят? Такие же, как в стихах?

Как выглядят феи в стихах? У Цзян Сяоманя не было четкого представления.

— Небесные феи, естественно, все красивы.

— Как именно красивы?

— У каждой феи своя красота, так же как и у вас, наложниц, есть свои уникальные черты.

— А какой у них макияж?

Цзян Сяомань заметил, что макияж наложниц был похож, и предположил, что это, вероятно, популярный в эту эпоху стиль.

— Да, у фей тоже есть свой макияж. Несколько лет назад были популярны более плоские брови.

— Как они выглядят?

Цзян Сяомань обмакнул палец в чай и нарисовал на столе.

— Кажется, неплохо? — одна из наложниц тут же приказала служанке принести камень для рисования бровей, который она обычно использовала.

— Только этого мало? Принесите всю косметику, — другая наложница поспешно добавила.

Через некоторое время на столе в беседке уже лежали все косметические инструменты наложниц, и они тут же начали пробовать макияж, описанный Цзян Сяоманем.

Цзян Сяомань часто участвовал в школьных или деревенских культурных мероприятиях, и каждый раз перед выходом на сцену его немного гримировали. Поэтому, хотя он не был так искусен, как девушки, он немного разобрался в этом и дал наложницам несколько советов.

Когда брови были нарисованы, Цзян Сяомань почувствовал, что чего-то не хватает, и, подумав, сказал:

— На глазах... можно еще что-то сделать.

Через час наложницы, которые раньше не знали, что такое тени для век, успешно освоили этот навык.

Те, у кого руки были более ловкими, под руководством Цзян Сяоманя даже слегка завили ресницы, используя нагретые заколки.

— Вот так выглядит макияж фей, — наложницы смотрели в медные зеркала с удовлетворением, любуясь своей красотой.

— Спасибо за советы, Бессмертный.

— Это все благодаря вашей природной красоте.

Наложницы начали испытывать к Цзян Сяоманю все больше симпатии. Они, не зная откуда, услышали, что Бессмертный любит сладости, и тут же приказали принести различные десерты.

Цзян Сяомань не подозревал, что его тайна уже раскрыта, и продолжал сохранять спокойное выражение лица, будто бы презирая мирскую еду, но ради приличия взял пару кусочков, медленно протянув руку к сладостям.

Он съел несколько пирожных и один мягкий леденец.

Леденец был мягким и слегка кисловатым, что оказалось довольно вкусно.

— Бессмертный, этот леденец, который вы сейчас едите, сделан моими руками, — одна из наложниц обратилась к Цзян Сяоманю. — Если вам понравилось, возьмите больше с собой.

Цзян Сяомань с выражением «мне это не нужно» на лице кивнул.

Запасы пилюль бессмертия для наследного принца почти закончились, и ему нужно было пополнить их. Внезапно ему в голову пришла идея: раз наследный принц любит пилюли, которые он ему дает, почему бы ему не начать самому их создавать?

Живой бог начал создавать пилюли, и, как говорят, это были пилюли бессмертия.

Этот слух исходил от маленького евнуха, который служил Живому богу в Башне, достигающей небес. Маленький евнух рассказал, что в тот день Живой бог приказал им принести в Башню различные печи и котлы, а также составил длинный список ингредиентов для создания пилюль, которые они должны были срочно подготовить.

Люди спрашивали, что используется для создания пилюль, но маленький евнух, подражая Цзян Сяоманю, загадочно покачал головой, сказав, что это секретная формула Живого бога.

Вскоре все во дворце с нетерпением ждали, чтобы увидеть, что же Цзян Сяомань сможет создать.

В Башне, достигающей небес, Цзян Сяомань был весь в поту.

Это был второй день его занятий.

Вчера он весь день занимался своей печью, с трудом превратив её в обычную печь.

Башня, достигающая небес, была местом, где даосы и бессмертные занимались практикой,

поэтому на кухню здесь не рассчитывали. Поэтому Цзян Сяомань попросил маленького евнуха принести ему маленькую печь, чтобы делать конфеты. Но маленький даос, услышав, что он хочет создавать пилюли, тут же принес ему большую печь, которую использовали настоящие даосы.

Эта печь была такой большой, что в нее можно было бы поместить его самого, что вызывало у него головную боль.

К счастью, чтобы запутать следы, он попросил много разных вещей, и теперь Башня, достигающая небес, была похожа на большой склад, где было все, что нужно.

Поэтому он потратил целый день, чтобы переделать большую печь, и, наконец, превратил её в обычную печь, на которой можно было одновременно готовить в трех котлах.

Однако, когда проблема с печью была решена, возникла следующая.

— Опять подгорело!

Контролировать огонь в печи было слишком сложно, и он уже три раза подряд испортил молоко.

Глядя на три котла с молоком, Цзян Сяомань вздохнул и решил выпить их все.

— Мяу—

Генерал Тигр, почуяв запах молока, начал тереться о ноги Цзян Сяоманя.

— Хочешь пить? Тебе нельзя это.

Маленький котенок не может пить молоко, иначе у него будет расстройство желудка. Однако этот маленький рыжий котенок ничего не понимал и просто хотел молока. Он продолжал тереться о ноги Цзян Сяоманя, пытаясь прыгнуть и добраться до молока.

Цзян Сяомань не смог устоять и быстро поднял котел с молоком, выпив все залпом.

— Ик.

Цзян Сяомань поднял голову от котла, на губах остался молочный ус, и он не смог сдержать отрыжку с запахом молока.

Нет, если он будет продолжать пить, он сам превратится в молочный десерт.

Цзян Сяомань вытер молочный ус с губ и решил продолжить переделывать свою печь.

Полдня спустя Цзян Сяомань наконец создал печь, в которой можно было регулировать огонь в разных местах, и он мог перемещать котлы в зависимости от необходимости.

Однако, когда проблема с огнем была решена, молочные леденцы все равно получались не такими, как нужно, и казались просто подслащенным молоком...

Цзян Сяомань, поглаживая свой набитый живот, решил остановиться на сегодня и продолжить завтра.

После двух дней уединения Цзян Сяомань на третий день вышел из Башни.

Во Дворце Чанлэ наследный принц сразу же узнал об этом.

Лицо наследного принца было мрачным, но, услышав, что Цзян Сяомань наконец покинул Башню, его выражение слегка изменилось.

— Два дня, и он наконец вышел.

В тот день Цзян Сяомань снова упомянул Сяо Сюэ-цзы, и он не смог больше терпеть, выгнав его.

Он знал, что Цзян Сяомань очень интересуется Сяо Сюэ-цзы, и даже думал о том, чтобы в будущем выдать её замуж за Цзян Сяоманя, но не мог вынести, как тот постоянно упоминал женщин, выглядя при этом похотливо.

<http://bllate.org/book/16796/1544779>